
РЕЦЕНЗИИ

Г. А. ЗАВАЛЬКО

Семенов Ю. И. Происхождение и развитие экономики: от первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). – М.: УРСС, 2014.

Кратко определить значение этой книги можно одной фразой: впервые создана теория некапиталистической экономики. Причем не просто одной из экономик, а первой из всех – первобытной. Логически «Происхождение и развитие экономики», выросшее из «Экономической этнологии» (1993), связано с книгами «Как возникло человечество» (последний вариант – 2002) и «Происхождение брака и семьи» (1974). Вместе они дают подробнейшую картину начала человеческой истории, причем теория подкреплена колоссальным фактическим материалом. Достаточно сказать, что указатель названий культурно-языковых общностей в «Происхождении и развитии экономики» насчитывает порядка 500 племен и народов. Это значит, что экономическая жизнь каждого из них проанализирована в книге минимум однажды.

После открытия К. Марксом и Ф. Энгельсом объективной, не зависящей от воли и сознания людей основы общества – производственных отношений – и их зависимости от уровня развития производительной силы общества, неодинакового для разных обществ и разных стадий их развития, перед наукой встала не решенная до сих пор проблема создания теорий всех экономик, то есть политэкономии в широком смысле. «За годы, прошедшие с тех пор, в мире произошли колоссальные изменения. Но они меньше всего затронули положение дел в рассматриваемой области, несмотря на то, что представление об историческом характере экономики получило некоторое распространение и за пределами марксистской экономической науки» (с. 73). Причин тому много – и описатель-

Философия и общество, № 1 2015 189–200

ный, а не теоретический характер работ историков, и отсутствие историзма у экономистов, и идеологическое давление либерализма, требующего признать свободный рынок единственно возможной экономикой.

Есть и чисто научная сложность: во всех обществах, кроме капиталистического, производственные отношения действуют через другие (моральные, правовые, идеологические) отношения, то есть определяют поведение людей не напрямую, а косвенно, через внеэкономическое принуждение к труду. Такие экономики Ю. И. Семенов называет *трансэкономиками*. Не так-то легко увидеть влияние экономики в древневосточной деспотической власти, античном противопоставлении конечного космоса и бесконечного хаоса, спартанских криптиях, средневековой вассальной верности и куртуазной любви и т. д.

В отличие от трансэкономик рыночная экономика, основанная на экономическом принуждении к труду, – *ортоэкономика*. Для нее характерна обусловленность поведения экономическим расчетом во всех, не только в экономической, сферах жизни (коммерциализация политики, искусства, науки, брака и др.). Зная только ее, трудно не свести экономическую детерминацию к простой корысти.

Большинство трансэкономик включали в себя рынок как один из элементов; когда рыночные отношения становятся единственными, перед нами – капитализм. «Были экономики с рынками, но не было рыночной экономики. Существовали ортоэкономические отношения, но не было ортоэкономик. Первой и единственной ортоэкономикой является капиталистическая. Все докапиталистические экономики были трансэкономиками. И это отсутствие в предшествующей капитализму истории человечества ортодоминирующей экономики истолковывается как отсутствие во всех докапиталистических обществах экономики вообще. В действительности же во всех этих обществах существовали и были их фундаментами, базисами именно экономики» (с. 95).

Несколько слов об истории изучения первобытности. После Великих географических открытий европейцы столкнулись с совершенно иным состоянием общества, нежели привычное им – с дикостью. Постепенно дикость была осознана как предшествую-

шая цивилизации стадия истории, для которой характерна общность имущества. Первым идею первобытного коммунизма сформулировал Мишель Монтень (1533–1592). Термин ввел Льюис Генри Морган (1818–1881), чье «Древнее общество» (1877) положило начало науке о первобытности. Однако в концепции Моргана наряду с открытиями (род как экзогамное объединение людей) было много ошибок: основой первобытного общества он считал семейно-брачные отношения, поэтому эволюция общества была, с его точки зрения, обусловлена сменой форм семейно-брачных отношений (которая также была во многом неверной). Ошибки Моргана имели большие отрицательные последствия для марксизма, поскольку на его концепцию ориентировался Ф. Энгельс в написанной уже после смерти К. Маркса работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884).

«На том этапе этнографической науки, которого она достигла в 70–80-х гг. XIX в., предложенная Л. Г. Морганом схема эволюции семейно-брачных отношений выступала как в достаточной мере обусловленная фактами. У Ф. Энгельса не было серьезных оснований сомневаться в ее правильности. Поэтому он принял эту схему и вытекающий из нее общий взгляд на раннюю историю человечества... На ранних этапах развития человечества, а именно на стадии первобытного общества, общественные порядки обуславливались производством человека. На более поздних этапах, во всяком случае после возникновения классового общества, они обуславливаются прежде всего производством средств к жизни. Эта мысль находилась в противоречии с основными идеями материалистического понимания истории» (с. 146–147). Поэтому концепцию Энгельса критиковал с марксистских позиций Генрих Кунов (1862–1936); об ошибке Энгельса писали и у нас до середины 1950-х гг. Затем же «появилось немало работ, в которых данное положение Энгельса трактовалось как совершенно правильное. Появлялись работы, в которых предпринимались попытки обосновать данное положение. А сам тезис о том, что именно “естественные, родоплеменные” связи, а не производственные, экономические были фундаментом первобытного общества, что первобытный коллектив имел “чисто природную, кровнородственную основу”, встречался постоянно» (с. 148). Таким образом, ошибка классика стала удоб-

ным способом предать марксизм, формально сохраняя ему верность. Между тем, как определено в данной книге, именно первобытность показывает правоту материалистического понимания истории, *несмотря* ни на какие высказывания его основоположников, даже *вопреки* им.

Тем более теорию первобытной экономики не могли создать явные противники марксизма на Западе. Спор шел между двумя крайними точками зрения: 1) во всех обществах существует капиталистическая экономика, отличия чисто количественные; 2) экономика существует и детерминирует поведение людей только при капитализме, а в других обществах ее нет или она вторична. Ясно, что приверженцы обеих крайностей сходятся в признании *орто-экономики* единственно возможной. Существование *транс-экономик* не признается. Сторонники первого постулата – формалисты – не могли дать ничего, кроме общих фраз, а при глубоком знании фактов начинали противоречить себе, что видно на примере взглядов Р. У. Ферса (1901–2002). Противоречили себе и сторонники второго утверждения – субстантивисты, такие как К. Поланьи (1886–1964) и Дж. Дальтон. Ими одновременно утверждались три разных тезиса: «в примитивном обществе родственные, религиозные, политические отношения одновременно являются и экономическими»; «экономические отношения в примитивном обществе производны от родственных, религиозных, политических»; «родственные, религиозные, политические, с одной стороны, экономические, с другой, в примитивном обществе равноправны» (с. 126). Авторы, видевшие недостатки обоих утверждений, не могли предложить ничего, кроме эклектики. Призывы применить к накопленному этнографами фактическому материалу марксистский метод ни к чему не привели из-за деградации марксистской мысли Запада. Дальнейшее развитие теории стало невозможным. В начале нашего века исследования первобытности стали сходить на нет. Исчезал объект исследования, к тому же в условиях неолиберального рынка наука, не приносящая прибыли, перестает финансироваться. «За первобытность теперь не платят», – сказал Ю. И. Семёнову английский этнограф (с. 134).

В итоге теория первобытной экономики впервые изложена в данной книге.

Процесс возникновения человека и общества есть процесс обуздания инстинктов (началом было обуздание пищевого, завершением – обуздание полового). Человек – существо, инстинкты которого находятся под контролем общества. Поэтому человеческое общество возникло как общество первобытного коммунизма. Сам термин, по неизвестным причинам исчезнувший из советской науки в 1930-е гг., гораздо точнее термина «первобытно-общинный строй».

Критики, отрицающие первобытный коммунизм, как правило, убеждены, что в таком обществе должен быть особый склад, где хранятся орудия труда и куда сносится весь созданный продукт. Не находя склада, они не находят и первобытного коммунизма. Но это неверно. Склада не было, но была *обязанность делиться*. «Общественный фонд был. В него входили все без исключения вещи, которыми пользовались члены общины, ибо все они без малейшего исключения находились в общей собственности всех членов общины, вместе взятых. Колхозов в первобытности действительно не существовало, а коммунизм был» (с. 306). Распределение шло по потребностям. Сказанное относится как к обществам, занятым охотой и собирательством, так и к первым земледельческим обществам.

Первоначальной формой первобытно-коммунистических отношений были *разборно-коммуналистические*, при которых «пища и вещи находились не только в собственности, но и в распоряжении коллектива» (с. 292). Затем вещи индивидуального пользования перешли в распоряжение отдельных лиц, оставаясь собственностью коллектива. Это *дележно-коммуналистические* отношения.

Момент, когда человек стал делиться тем, чем распоряжается, – это момент, когда вместо дуально-родового брака появляются индивидуальный брак и семья, явления столь привычные для нас, что неспециалисту не приходит мысль о том, что их породила первобытная экономика. Брак – явление социальное, это права и обязанности; при первой форме брака – дуально-родовой – права и обязанности были у родов; отношения же, разумеется, возможны лишь между индивидами. Такие отношения в условиях группового брака называются «парованием». «С переходом общественного продукта в распоряжение отдельных членов коллектива перераспределение

продукта из отношений между группами превратилось в отношение между отдельными мужчинами и отдельными женщинами... Переход от разборных отношений к дележным был связан с появлением экономических отношений между мужчинами и женщинами, принадлежащими к разным первобытным коммунам, разным родам, а тем самым и с возникновением индивидуального брака. Первая форма брака между индивидами характеризовалась равенством мужа и жены. Поэтому ее можно назвать *протоэгалитарным браком*» (с. 239–241). «Паровники» стали супругами. Протоэгалитарная семья была иждивенческой ячейкой, обеспечивающей содержание детей и тем самым – существование общества.

Матриархата не было никогда, но равенство мужчин и женщин было. Понятие «равенство» я бы определил как отсутствие привилегий, а историк и писатель А. А. Говоров (1925–2003) – как «отсутствие отношений хозяина и слуги в любых проявлениях»^{*}. Этому равенству положила конец частная собственность. В условиях предклассового, а тем более классового общества семья воспроизводит не просто человека, а частного собственника. Поскольку лишь мужчины были собственниками, получая свою долю общественного продукта непосредственно от общества, они стали иждивателями жен и детей независимо от того, сколько те трудятся. Так возник патриархический брак, господство мужчины, характеризующееся отсутствием половой морали для «сильного пола» – явление также социальное, а не биологическое, ныне в условиях позднейшего капитализма не изжитое, а дополненное уничтожением половой морали для женщин и соответственно разрушением брака и семьи как таковых.

Вернемся к эволюции первобытной экономики. По мере появления *избыточного продукта* проблемой, которую приходилось решать нашим далеким предкам, был поиск новых стимулов к труду. Общее направление развития вело к смене общественной собственности частной. Но до ее появления было еще очень далеко.

«Необходимо было изменение принципа распределения, приход на смену коммуналистическому распределению распределения по труду» (с. 311), то есть отказ от обязательного дележа. *Делиться*

^{*} Говоров А. А. Византийская тьма. – М., 1995. – С. 289.

нельзя не делиться, если можно так сформулировать. Выход был найден в *дарении* членам других общин. Человек, даривший больше других, пользовался большим престижем. Это новая, не коммунистическая, форма первобытной экономики – *первобытно-престижная*. Это уже не коммунизм, но еще не предклассовое общество. Возникло своеобразное богатство, находящееся не в сундуках богачей, а в социальных связях. «Не было ничего более бесполезного в туземной экономике, чем накопление вещей, которые некому было посылать» (с. 319).

Престижная экономика (впервые открыта Брониславом Малиновским [1884–1942], термин введен Корой Дюбуа [1903–1991]) обеспечила прогресс производства, но в то же время посеяла зерна будущих антагонизмов.

Первобытная экономика раздвоилась на жизнеобеспечивающую и престижную. Во второй господствовал принцип эквивалентности (дар возмещается равноценным отдаром), что не могло не сказаться на жизнеобеспечивающей экономике. Определенная часть общественного продукта оказалась исключенной из дележа. Затем принцип эквивалентного возмещения всего полученного в дар начал шаг за шагом проникать и в сферу жизнеобеспечивающей экономики. Теперь богатч «оказывал помощь» бедняку, за которую тот должен был платить ответной помощью. При этом дележ продолжал существовать. «Дальнейшее развитие шло по линии, во-первых, сужения круга лиц, обязанных делиться друг с другом, во-вторых, сокращения круга вещей, которыми человек обязан был делиться с другими, в-третьих, уменьшения числа ситуаций, в которых человек был обязан делиться. Однако в течение всей позднепервобытной стадии каждый взрослый человек и был одновременно отдельным собственником, и не был им» (с. 349). Кульминацией дарения стали «дароторжества» (обозначаемые термином «потлач») – церемония раздаривания вещей. Богачом был тот, кто устраивал потлачи постоянно. Общины стремились превзойти друг друга раздариванием; это состязание в щедрости не имело конца.

Дарение превратилось в обязанность, причиной которой было стремление к престижу, так же не зависящее от воли человека, как и стремление к деньгам при капитализме. И человек теперь ценился как *даритель*, а не как труженик. Возникла возможность безвоз-

мездного присвоения результатов чужого труда, то есть эксплуатации. «Собственным трудом нельзя было создать слишком много продуктов. Отсюда стремление получить продукт от других людей. Но если весь продукт возмещать, эффект будет носить преходящий характер» (с. 375).

Здесь мы имеем дело с частной собственностью, но не на средства производства, а на предметы, циркулирующие по каналам обмена. Неизбежно возникла особая категория объектов, предназначенных только для такой циркуляции – раковины, перья, зубы и т. д., – своеобразные примитивные деньги. Затем у многих народов по мере развития товарообмена «престижные деньги» стали выполнять и функции обычных денег.

Начинается социальное расслоение – формирование прасословий. Сначала богатство обеспечивало лидерство (таких богачей принято называть «бигменами»), затем лидерство, возникшее из богатства, стало само приносить новое богатство (автор предлагает аналогичный термин – «чифмены»).

«Таким образом, не успев еще даже как следует сформироваться, распределение по труду сделало неизбежным появление своей противоположности – распределения по собственности, эксплуатации человека человеком. Только с возникновением последней могло утвердиться зародившееся ранее имущественное неравенство. Лишь когда для “дарения” стал использоваться прибавочный продукт, возник достаточно большой отрыв богачей от рядовых людей. Что же касается бедняков, то их оформление в качестве особого слоя связано не только с престижной, но и с новой жизнеобеспечивающей экономикой, в которой шел процесс вытеснения дележных отношений обменными» (с. 358).

Дальнейшая эволюция экономики – возникновение все новых и новых форм эксплуатации. Здесь необходимо терминологическое уточнение. Любой *способ производства*, основанный на частной собственности, есть также *способ эксплуатации*. Но существуют такие экономические уклады, которые не являются господствующими. Это *образы производства*, дополняющие способ. Здесь мы имеем дело с *образами эксплуатации*. Наконец, эксплуатация может осуществляться вне производства (ростовщичество, спекуляция, сбор дани, коррупция и т. д.). Это *методы эксплуатации*, ос-

нованные на частной собственности, но не на средства производства, а на что-то иное (ростовничество – на денежном богатстве). Когда прежний господствующий класс перестает быть организатором производства, прежний *способ производства* превращается в *метод эксплуатации* (например, феодальный перед буржуазными революциями).

На престижной частной собственности могли основываться только *методы эксплуатации*, дополняющие первобытно-престижную (еще не эксплуататорскую) экономику. Эксплуататорский *способ производства* мог базироваться только на частной собственности на средства производства.

Первым *методом эксплуатации* стал следующий. «В обществе, в котором существовал потлач, возникали своеобразные экономические системы. Центром такой системы был человек, постоянно устраивающий потлачи» (с. 371). Этот человек (бигмен) мог систематически брать от других людей больше, чем сам давал им. Внешне система выглядела обычной системой взаимопомощи для общего дела – подъема престижа общины. По сути, здесь впервые началось присвоение чужого труда. Это *центростремительный* метод эксплуатации.

Дальше – больше. «Утверждение и повышение престижа общины с необходимостью предполагало по возможности более частую организацию дароторжеств. Но дароторжества организовывались частными лицами – бигменами, которые делали это по собственной инициативе для достижения личных целей. Они не были обязаны это делать... Необходимостью стало создание в общине особого органа, в обязанность которого входила бы концентрация произведенного общиной избыточного продукта и систематическая организация дароторжеств. Это предполагало выделение человека, которому бы община доверила это дело» (с. 390). Так появляются *формальные* лидеры – главари, вожди, чифмены. Ему общинники были *обязаны* давать продукт. Из этого зародыша в будущем разовьется политарный («азиатский») способ производства. Таким образом, развитие эксплуататорской верхушки в первобытности идет по линии: бигмены – чифмены – преполитаристы (будущие политаристы).

В условиях первобытно-престижной экономики первым *образом* эксплуатации стали приношения главарю, вождю (*главарно-приносной* образ эксплуатации). Далее появляется *доминантный* – присвоение труда человека, работающего в чужом хозяйстве (раба, кабального должника, наймита, женщины-«жены» в условиях многоженства). Их дополняли новые *методы эксплуатации* – ростовщичество, посредническая торговля, систематический военный грабеж, данничество. Они получают полное развитие в предклассовом обществе.

От основной линии развития, приведшей к предклассовому протополитарному, а затем к классовому политарному обществу, отделяются несколько тупиковых. Для них характерно накопление верхушкой либо «престижных ценностей», даваемых в долг беднякам, без чего те не могут выполнять различные обязанности, особенно – вступать в брак, либо прямое «накопление» женщин, находящихся в монопольном владении престарелых богачей и «ссужаемых» беднякам. Первый вариант – преплутарный («плутос» – богатство), второй – геронтократический. Он характерен для некоторых племен аборигенов Австралии.

Роль первобытно-престижной экономики в истории – замена дележа обменом, вытеснение общественной собственности зачатками частной. «Когда это произошло, престижная экономика перестала быть необходимой. В результате она стала терять реальное значение и отмирать... Начало отмирания главного вида престижно-экономических связей – великодараобмена – кладет грань между первобытно-престижным обществом и обществом предклассовым» (с. 546).

Интересны свидетельства пережитков престижной экономики, существующих в классовом обществе в виде *экс-экономических явлений*. У крестьян в самых разных уголках Земли, от Китая и Латинской Америки до Скандинавии, от России до Англии, имели место дароторжества (потлачи), дароплатежи (выкупы за невесту), гостевые дары и т. д. Особенной архаикой отдают праздники, на которых забивалось для коллективного поедания специально выделенное животное. Так же интересны, кстати, и пережитки древних форм организации отношений между полами – хозяйственные половые табу, оргиастические праздники и многое иное, нашедшее

свое странное воплощение в легендах (похищение сабинянок, брак человека и животного в «Царевне-Лягушке» и «Лебедином озере», грехопадение Адама и Евы, гибель Орфея, существование амазонок). Зная, откуда на самом деле появился на Земле человек, понимаешь, что иных явлений и иных сюжетов быть не могло.

На смену поздней первобытности приходит новая стадия – *предклассовое* общество с преимущественно земледельческим хозяйством. Здесь существуют несколько эксплуататорских *способов* производства: уже рассмотренный *доминантный*, *магнарный* – присвоение труда человека, работающего на чужой земле (опять-таки раба, наймита, должника), *нобшарный* – присвоение чужого труда знатью по праву рождения, *протополитарный* – присвоение чужого труда протогосударством. В предклассовых обществах, контактирующих с классовыми, появляется *милитарный метод эксплуатации* – вооруженное присвоение чужого труда дружинами во главе с предводителями-милитархами (яркий пример чего находим у германцев). Можно предположить, что он связан с частной собственностью на оружие (как для ростовщичества – на богатство).

Магистраль истории ведет к политаризму. Поэтому магистральными являются протополитарные общества в двух вариантах: собственно протополитарные («деревенские») и с добавлением магнарных отношений («городские»). В этом случае протополитархия одновременно является общиной, членов которой объединяет не только подчинение протополитарху, но и «низовые» связи. Другие же варианты предклассовых обществ – различное сочетание доминарных, магнарных, нобиларных и милитарных отношений – являются дополнительными.

Однако возможны и предклассовые общества без эксплуатации – *пракрестьянские* (крестьянство как таковое присуще уже классовому обществу). В них, в свою очередь, может развиваться доминарный метод эксплуатации.

«Ни один из этих социально-экономических типов предклассового общества не может быть охарактеризован как общественно-экономическая формация, ибо они не были стадией всемирно-исторического развития. Такой стадией было лишь предклассовое общество в целом, но оно тоже не может быть охарактеризовано как общественно-экономическая формация, ибо оно не представля-

ло единого социально-экономического типа. Вероятно, лучше всего назвать выделенные выше социально-экономические типы предклассового общества *общественно-экономическими проформациями*. А стадию предклассового общества в целом нельзя назвать иначе, как *межформационным периодом*» (с. 633).

Переход к классовому обществу – начало новой эпохи всемирной истории. Около 5 тысяч лет назад протополитарные общества Востока дают начало первым политарным (Египет, Шумер). Человечество переходит на новую стадию – древневосточную. Все доклассовые общества оказываются отставшими. Примерно в VI–V вв. до н. э. из толщи предклассовых обществ выделяются классовые общества нового типа – рабовладельческие. Человечество как целое переходит на новую стадию – античную. Теперь отстают и доклассовые, и политарные общества. После гибели Античности слияние базисов поздней Античности и предклассовых обществ германцев, известное как романо-германский синтез, приводит к возникновению феодализма. Человечество как целое переходит на новую стадию – средневековую. И только переход к капитализму, начало Нового времени, не имеет отношения к эволюции доклассовых обществ. Они окончательно теряют свое всемирно-историческое значение и становятся объектом научного изучения, исчезающим безвозвратно, но не бесследно.